

# **Стенографический отчет XLIII Чтений гуманитарного семинара "Русский мир и Русская Православная Церковь в Единой Европе: вызовы идентичности"**

**С участием о. Антония  
(протоиерея Антония Ильина) — Европейского представителя  
фонда «Русский мир», и.о. Представителя РПЦ  
при европейских международных организациях**

**Отец Антоний (Ильин):**

– Я должен, прежде всего, сказать несколько общих и, тем не менее, важных и теплых слов. Прежде всего, поблагодарить, Сергей, вас и в вашем лице Гуманитарный семинар и Дом Москвы, где мы собрались, за эту прекрасную возможность. К сожалению, мало времени нахожусь в Риге. Через несколько дней в Литве, в Вильнюсе, в Вильнюсском педагогическом университете откроется первый в Литве «Русский центр» фонда «Русский мир», это будет открытие первого центра в Литве, дай Бог, не последнего. Отрадно, что в государственном университете пройдет открытие «Русского центра», это и является основной причиной, почему удалось вырваться в Прибалтику.

Очень рад, что я сегодня оказался здесь, потому что Гуманитарный семинар – это очень уважаемая реальная экспертная и дискуссионная площадка. Когда я готовился к сегодняшней встрече, это было два дня назад, к сожалению, шел конкурс «Евровидения», я сел к компьютеру, и, несмотря на то, что все чада и домочадцы сидели и смотрели «Евровидение», я где-то два часа не мог оторваться от вашего сайта – <http://www.humanitatis.info/>. Причем просматривал семинары и дискуссии трех-, четырех-, пятилетней давности. Меня действительно поразила и атмосфера, и высокий уровень дискуссии. И очень часто сами установочные доклады и докладчики были даже менее интересными, чем реплики и комментарии с места. Я не исключаю, что и сегодня так получится. Я пришел не только говорить, но и послушать. Мне бы хотелось тоже выразить свою благодарность Его Высокопреосвященству митрополиту всея Латвии Александру, который проявил большой интерес к сегодняшнему семинару, но в силу ранее принятых на себя обязательств не смог присутствовать лично. Я очень благодарен, что представитель владыки отец Иоанн сегодня с нами. Могу подчеркнуть, я могу говорить о европейском контексте, я могу говорить о Бельгии, но в плане церковной жизни о латвийском контексте я говорить не могу, просто, во-первых, не будучи компетентным, а во-вторых, здесь, слава Богу, даже не просто епархия, а есть Латвийская Православная Церковь с богатыми духовными и культурными традициями, которые отвечают на вызовы времени в соответствии с местной ситуацией, и общественной, и политической.

Мы касались темы Константинополя, проблемы юрисдикции над диаспорами, поэтому я еще к этому вернусь немного позже. Мне бы хотелось поблагодарить всех тех своих друзей, которых вижу, и Татьяну Аркадьевну Жданок, которая, несмотря на сложное время, нашла возможность участвовать в семинаре. Несколько позже я скажу о нашем взаимодействии в Брюсселе. Я знаю, что Татьяна Аркадьевна очень не любит, когда я ее хвалю, но все также знают, что православное духовенство не отличается, скажем так, «бескорыстием», поэтому это означает, что если мы кого-то хвалим, то это значит, что мы хотим от этого человека что-то получить. А Русская Православная Церковь очень на многое рассчитывает в связи с будущим. Бог даст, депутатский срок Татьяны Аркадьевны поможет продвижению темы христианских ценностей в общественно-политической жизни Европейского Союза вопрос очень важный, и его немного позже мы коснемся. Я хотел бы также передать всем приветствие и наилучшие пожелания от исполнительного директора фонда «Русский мир» Вячеслава Алексеевича Никонова. Мы буквально час назад с ним говорили по телефону. Мы увидимся через несколько дней в Вильнюсе, и я смогу поделиться впечатлениями. Действительно, один из тех примеров, когда радостно, что нашим грантополучателем является такой проект, как гуманитарный семинар. И я надеюсь, что и в будущем мы сможем поддерживать в рамках грантовой программы и издание Альманаха, и какие-то другие интересные проекты в рамках семинара. Это действительно очень достойный и интересный проект.

Почему я вернулся к теме знакомства с вашим сайтом <http://www.humanitatis.info/>? Еще в 2004 году началась дискуссия о Русском мире в стенах гуманитарного семинара. Причем дискуссия, надо сказать, на очень высоком уровне. Уже говорилось, что Русский мир не просто некая цивилизационная общность, связанная с русским языком и с Россией, с ее мультикультурным, полиэтническим, многоконфессиональным наследием, но что Русский мир – это еще некоторая категория мышления, некий проект, который обращен в будущее, имеющее свое целеполагание. Надо сказать, что то, что было осознано в 2004 году участниками гуманитарного семинара, пожалуй, только пару лет тому назад стало осознаваться в России

официальными структурами. И вот, слава Богу, я думаю, что ответом на многие чаяния и надежды и было создание фонда «Русский мир», который, все-таки, пытается, действительно, продвигать этот проект, причем не директивно, не исходя из каких-то патерналистских концепций, что диаспорами нужно управлять. Потому что, как известно, диаспоры строим не ходят, как и вообще интеллигентные люди строим не ходят. Если говорится, что мы живем в эпоху постмодерна, то постмодерн, это все-таки сетевое сообщество. Капитанского мостика нет. Искать капитанский мостик, какого-то рулевого – это напрасная задача. Должны быть какие-то узлы, какие-то нервные центры и должно быть, конечно, целеполагание, потому что можно реагировать, а можно опережать реальность. И вот, если работа с соотечественниками будет только реагированием на какие-то потребности, то это всегда будет опоздание и неадекватная реакция. А если мы будем, прежде всего, ставить цель а под это планировать исходя из этого свои действия, то тогда ситуация будет совсем, совсем другой.

На самом деле очень о многом хочется рассказать и в связи с темой свидетельства о православии в единой Европе, и в связи с миссионерской темой. Я видел в анонсе семинара тему социальной доктрины церкви. Мне в свое время Господь дал такую возможность под руководством нынешнего святейшего, тогда митрополита Кирилла быть членом Синодальной рабочей группы по подготовке Основ социальной концепции. Я искренне полагаю, что несмотря на то, что эта маленькая и тоненькая книжка, которая никогда, наверное, не будет таким же бестселлером как «Гарри Поттер», но, по крайней мере, все православные люди эту книгу должны иметь на своем столе, потому что часто задают вопрос, а какая программа патриарха Кирилла? Ходить далеко за ответом не нужно. Возьмите тот документ, который создавался под его руководством ведущими церковными экспертами и интеллектуалами, возьмите еще несколько документов, такие, как «Основы учения о правах и достоинстве личности», который был два года назад, даже меньше, анонсирован. Сейчас тема молодежи, миссионерская тема, в ближайшее время пройдет очередной Всемирный русский народный собор, посвященный теме молодежи. И на нем, как мы надеемся, будет принята и молодежная концепция Русской Православной Церкви. Потому что, на самом деле, если православный проект не будет миссионерским проектом сегодня, то у нас будет как в той известной присказке «Он шел вперед, не ведая преград, но с головой, повернутой назад». Так идти вперед нельзя! Абсолютизировать и идеализировать то, что было во времена Российской империи, тоже нельзя. Песенка такая была: «Знаешь, внученька, какая жизнь была под крыльями двуглавого орла?» Жизнь, судя по всему, была разная, иначе бы революция не произошла. То, что синодальная эпоха была эпохой серьезного искажения в самой церковной жизни, это сейчас тоже абсолютно факт, не подлежащий никакому сомнению. А старообрядцы, которых немало в Латвии, они вам скажут, что корни 1917 года находятся в XVII веке и тоже будут по-своему правы. Потому что царь-колокол – он прекрасен и огромен. Можно подойти, постучать, сфотографироваться на его фоне в Кремле. Но он не звучит. Какой

бы кусок от колокола не отколоть, он звучать уже не будет так, как должен, это уже к теме старообрядческого раскола.

Что касается Европы, слава Богу, недавно произошло событие, которое мы еще до конца не оценили. Это уврачевание многолетнего главного раскола Русского мира – раскола между Русской Православной Церковью за границей и Русской Православной Церковью Московского Патриархата. Да, если мы посмотрим на количество приходов РПЦЗ, их вроде не так много, но это очень значимо, потому что этот раскол пролегал между членами одной и той же семьи. И вот в Брюсселе мы это видели. Поразительно, что это произошло. Но в тоже время на фоне этого позитивного события произошло другое событие – Парижская архиепископия Константинопольского патриархата в 20-е, 30-е гг., которая была оплотом русской православной интеллигенции и во Франции, и на Западе, как раз-таки, как ни странно, теперь в отношении к Русской Православной Церкви использует ту же самую негативную риторику, которую использовала РПЦЗ 15 лет назад: обвинение причастности православных к КГБ и т.д. Все это сейчас исходит из уст правящего архиерея Парижской епископии. Когда мы говорим о диаспорах, действительно, ни для кого не секрет, что Константинопольский патриархат сегодня выдвигает совершенно новую, «инновационную» концепцию в кавычках своей универсальной юрисдикцией над любой православной диаспорой, которая оказывается вне канонических границ своей национальной церкви. В некоторых странах Константинопольская геополитика уже и реализуется. Безусловно, что мы против этого, и мне хочется подчеркнуть, что иногда мы критичны к своему священноначалию, я имею в виду мирян. Говорим, что Церковь должна более активно участвовать в жизни общества. Я думаю, что дай Господь, чтобы тот баланс, который есть в Латвии сейчас и был выстроен очень непростыми трудами, чтобы он сохранился и на будущее, когда действительно невозможно признание государством второй альтернативной юрисдикцией одной и той же конфессии. Потому что эстонский опыт – он перед нами. Это на самом деле трагедия. Поэтому я думаю, мне действительно хочется подчеркнуть, что эта уникальная ситуация, дай Бог, чтобы она продолжалась дальше, потому что, как я знаю, в докладах госдепартамента США каждый год Латвию обвиняют за эту дискриминационную практику, которая на самом деле отражает уважение к культурным и историческим реалиям своей страны.

В отношении Европы сегодня, тоже интересная тема. Мы знаем, что в России, конечно, мы критикуем Римско-католическую Церковь за прозелитизм, за Западную Украину, а вот в Европе, например, католики являются нашими стратегическими партнерами именно в плане свидетельства о христианских ценностях в Европейском Союзе. Потому что, да, Европейский проект когда-то начинали христианские демократы. Мы можем вспомнить, Шумана, Де Гаспери, Аденауэра, людей, которыми двигали не только интересы, но и какие-то ценности, в том числе и христианские ценности. Сегодня, к сожалению, этот Европейский проект во многом взял в качестве некоего цивилизационного стандарта воинствующий секуляризм, стиль такой французской модели *Laïcité*, когда Церковь исключается не только из управления государством, что

нормально, в принципе, в демократической стране, но когда религиозность полностью переводится в сферу частной жизни. И Церковь исключается из активного вовлечения в жизнь общества. С этим уже согласиться никак нельзя. Поэтому на самом деле здесь нас объединяет с Католической Церковью один и тот же подход мы настаиваем на том, что корни европейской цивилизации – это не только культурное наследие Ренессанса и интеллектуальный поиск просвещения, это не только римское право, но это еще и ценности христианской религии. И здесь как раз и католический Запад, и православный Восток – это действительно два пути раскрытия этой европейской цивилизации. Поэтому сегодня мы должны быть вместе. И мне бы хотелось тоже, Татьяна Аркадьевна, подчеркнуть, что эту тему мы уже озвучивали последнее время в Европарламенте несколько раз, и этот вопрос был поднят в нашем письме святейшему патриарху. Я думаю, что разговор на эту тему пойдет и дальше, когда будет избран следующий состав Европарламента, и дай Бог, мы сможем создать, инициировать, по крайней мере, создание межфракционной депутатской группы по продвижению православных ценностей в общественно-политическую жизнь Евросоюза. К этой инициативе проявили интерес и болгарские депутаты, и румынские, и кипрские депутаты. Я думаю, что мы создадим такую межфракционную депутатскую группу, или какую-то рабочую экспертную группу, может быть, в более скромном формате, но не надо стесняться, не надо быть слишком политкорректными, надо эти вопросы ставить. Я думаю, мы их будем ставить дальше и на всех площадках, на которых это можно сделать.

Я очень рад, что у всех присутствующих есть журнал европейского русского форума, очень дорогого лично для меня проекта, который мы вместе с Татьяной Аркадьевной начинали по благословлению патриарха Кирилла, тогда еще митрополита Смоленского и Калининградского. Произошло этой осенью одно интересное событие. О сути этого проекта, который стал первой реальной площадкой неправительственного диалога на уровне гражданского общества России и ЕС я не хочу говорить, все прекрасно изложено в тех материалах, которые у вас есть. На самом деле то, что минувшей осенью произошло удивительное событие. Не смог приехать тогда митрополит Кирилл, не смогла приехать церковная делегация, потому что буквально за два дня до Европейского русского форума произошла безвременная кончина Святейшего патриарха Алексия. Мы за несколько месяцев до открытия Форума, конечно, просили, чтобы было какое-то обращение Святейшего. Конечно, на таком фоне надеяться на какое-то обращение Святейшего было уже совершенно невозможно. И вдруг буквально накануне вечером мне позвонил нынешний заместитель председателя отдела внешних церковных связей отец Георгий Рябых, совершенно потрясенный, и сказал: «Ты знаешь, только что, из Чистого переулка пришло подписанное обращение Святейшего. То есть оно было подписано вечером, накануне его кончины. Он скончался рано утром. Вечером, буквально в последний день, когда он работал с документами, он подписал это обращение к Европейскому Русскому форуму. На самом деле это всех тронуло до слез, все политики, которые

выступали, включая и европейских политиков, и российских, говорили об этом. И мы, конечно, восприняли это как какое-то благословение на будущее, потому что Церковь должна не бояться идти в общество, идти активно. Еще раз вспомню слова почившего Святейшего, который является заветом и для нынешнего патриарха Кирилла, что Церковь отделена от государства, но не может быть отделена от общества. Есть такой догмат, который был принят на Холкидонском соборе. Он, конечно, относился к богочеловеческой природе Христа, там есть такая фраза: «Не слитно, и не раздельно». Как говорил отец Павел Флоренский, это антиномия. Вот Церковь и общество, их отношение, они на самом деле в этой антиномии, – не слитно и не раздельно. Описать их терминами византийской симфонии, наверное, сейчас не получится, потому что симфония – это в реальности, кто знает церковную историю, тот знает, за несколько столетий Византийской империи эта симфония реально существовала может быть несколько десятков лет. Это была некая мечта, конечно. Сегодняшняя симфония, как она могла бы реализоваться между Церковью и государством, это стратегическое партнерство в тех сферах, где есть общий интерес, при невмешательстве в дела друг друга. Это симфония сегодняшнего дня, которая была бы возможна между церковью и государством, церковью и обществом. К сожалению, синодальная эпоха была эпохой искажений, и святейший правящий синод был в принципе построен Петром Великим на основании протестантской модели государственной церкви и как раз-таки Февральская революция, которую есть за что ругать, дала возможность собраться поместному собору. Есть разные благочестивые истории о том, что последний государь-страстотерпец хотел снять с себя монаршее служение и возглавить церковь в качестве патриарха, но это все благочестивая мифология. Ни одной бумаги на этот счет не существует. А то, что поместный собор смог собраться только при Временном правительстве, это действительно факт. И, наверное, у нас тоже есть ультра-консерваторы, которые говорят, что Церковь предала царя. Но я думаю, что если бы было все так хорошо в церковной жизни и Церковь не была бы доведена до уровня православного исповедания, то митрополиты бы торжественно не вынесли кресло императора из зала Священного синода. Первое дело, что они сделали. Сами митрополиты взяли и вынесли это кресло. Наверное, это тоже показатель того, что все-таки наболело, скажем прямо. Поэтому, что касается дальнейшего, действительно много есть, о чем сейчас говорить, и я думаю, мне бы хотелось перевести все-таки наш разговор в режим реального диалога, потому что уровень интеллектуальный аудитории настолько высок, что на самом деле здесь иногда хочется даже самому больше слушать, нежели говорить. Я благодарю за терпение.

#### **Сергей Мазур:**

– Отец Антоний, пока еще не пришли записки из зала, я хотел бы напомнить некоторые цифры, которые приведены на сайте одной из православных церквей. Они подчеркивают, что православие сегодня – европейское явление. Количество православных верующих в Европе: в Германии

– 800 тысяч, Англии – 350 тысяч, Франции – 250 тысяч, Австрии – 150 тысяч и так далее. Православие стало европейским явлением. Наверное, революция 17-го года повлияла на такого рода тенденцию. Но, с другой стороны, мне хотелось бы отметить, что после этих трагических событий Церкви пришлось заниматься вопросами, связанными с собственностью, с конкуренцией, конфликтами, то есть политика стала неотъемлемой частью бытия Церкви. Кажется два совершенно противоположных аспекта политики и Церковь. Сегодня эти две вещи нераздельно соединены друг с другом. Какого рода политические задачи решает Русская Православная Церковь?

**Отец Антоний:**

– Спасибо, Сергей. Но влияние Православия в Европе, вы сказали про 17-й год, несколькими годами позже из России такой корабль отплыл, нагруженный сами знаете кем. Слава Богу, что он отплыл все-таки в западном направлении, я имею в виду корабль с философами, благодаря этому западное общество познакомилось не только с православной догматикой или религией, но и с русской религиозной философией. А это на самом деле возможно главное, что действительно в начале XX-го века потрясло западное общество. Неизвестно, был бы Сартр или кое-кто еще, если бы корабль не отплыл, и доплыл, в отличие, скажем, от «Титаника», до пункта назначения. Поэтому на самом деле потрясюще, когда в Западной Европе заходишь в любой, уважающий себя католический храм, на одном из главных мест рядом с престолом видишь либо «Троицу» Рублева, либо «Спас Нерукотворный», либо «Владимирскую Богоматерь». Это не какой-то перфоманс, это действительно реальное переживание ценности православной иконы как окна в вечность, по словам Павла Флоренского. Это переживание есть у католиков сегодня, не только культурное, но, я бы сказал, экзистенциальное. В той же Бельгии, есть в Шевтоне монастырь Бенедиктинский. Поразительно, шевтонские монахи в 30-е годы увлеклись православной литургией, причем именно в православной русской традиции. Сейчас они выпускают огромное количество дисков с потрясающими песнопениями. Они действительно живут православной литургией, при этом они не униаты, потому что униаты, это когда наоборот. Православными они тоже не стали, они все-таки в юрисдикции папы Римского. Но они живут действительно восточной духовностью, связанной с православной литургией. И когда в арденские леса попадаешь, попадаешь в этот монастырь, видишь храм в стиле новгородского зодчества, бородатых монахов, поющих «Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный...», очень трогательно, на самом деле, поскольку это не стилизация, а образ жизни. Поэтому нам до конца сложно представить, насколько православие оплодотворило европейскую культуру.

Что касается политики. Если мы не будем под политикой понимать политологическую формулировку, что цель политической деятельности это захват и удержание власти, есть такая школьная формулировка. Если мы шире будем осмысливать слово политика, мы можем вспомнить Аристотеля, который сказал такую фразу, которая кому-то льстит, а кому-то нет: «Человек – это животное полити-

ческое». Можем вспомнить и другую фразу, которая принадлежит святителю Василию Великому: «Человек – это тварь, которая получила повеление стать Богом». То есть, таким образом, если Василий Великий говорит о вертикали нашего существования, то Аристотель говорит о некоей горизонтали, о коммуникациях. Если мы под политикой будем понимать некое коммуникативное измерение человеческой деятельности, а сегодня правильно говорить, прежде всего, об этом, то, наверное, Церковь не исключена из такой политики, потому что Церковь действительно активно идет в мир коммуникаций, разных коммуникаций. Но, безусловно, никогда, я думаю, Православная Церковь такому искушению и не подвергалась, – захватить и удержать власть. Я думаю, что уже и Римско-католическая Церковь к этому уже никогда не вернется, потому что последствия всем были известны: это Реформация в Европе и отторжение целых стран от действительно древней церковной традиции.

Какие задачи политические? Про Россию, практически, все знают, все телевизор смотрят, – введение в школах основ православной культуры – вот она идет битва не один год и при Святейшем патриархе Кирилле эта битва, я думаю, в ближайшее время закончится победой. Что касается Бельгии, бельгийский опыт таков. Он тоже совершенно уникален – это у меня уже такой провинциальный синдром, конечно, сразу о Бельгии говорить. Шесть лет проживешь, не так еще будешь говорить. В Бельгии любой ребенок в государственной школе имеет право изучать основы православия за государственный счет, не факультативно, а в сетке расписания. Причем ему предоставляется выбор идеальная модель, на самом деле, между одной из признанных конфессий: православие, католическая религия, протестантизм, ислам, иудаизм или светская этика. Невозможно изучать секты, разумеется. Причем все за государственный счет, за счет налогоплательщиков. Конечно, такая модель может быть реализована успешно только в маленьких странах. В России немножко сложнее. Но в России и более щадящая модель предложена – Основы православной культуры. В Бельгии это даже не просто основы, это реально урок Закона Божия.

Что касается другой задачи. Это введение стандарта теологии в вузах, чтобы действительно это был образовательный стандарт в сфере теологии. Тоже очень серьезная задача. Что касается Церкви и образования, если мы смотрели решения Священного синода, опять же не думаю, что каждый вечер их все собравшиеся смотрят, поэтому, для тех, кто не смотрел, напоминаю, было принято решение создать общецерковную аспирантуру, которая станет в хорошем смысле слова «кузницей кадров», если пользоваться терминологией недавнего прошлого. Я думаю, в эту церковную аспирантуру, когда она разовьется в серьезный проект, попадут и молодые люди из Латвии, из других стран Балтии. Это будет тоже реальным культурным обменом. Поэтому задач очень много, о молодежной концепции мы, надеюсь, услышим через несколько дней. Святейший патриарх будет выступать перед молодежью, кстати, это будет первый опыт на большой спортивной арене спорткомплекса «Измайлово», где будут десятки тысяч молодых людей. Я думаю, потом мы сможем с этим выступлением познакомиться. Очень интересная фраза

прозвучала из уст Святейшего где-то месяц тому назад. Она прошла мимо внимания многих. Меня она лично поразила, патриарх говорил о субкультурах, что Церковь не может отождествить себя с какой-нибудь отдельной субкультурой даже русской православной которая нам очень дорога, связана с нашими бабушками, дедушками, с некой трогательной и благочестивой традицией. Церковь, будучи в принципе, основанием культуры, может преобразить и воцерковить и любую субкультуру, в том числе любую молодежную субкультуру. Церковь не может гнушаться этим. Поэтому еще раз хочется повторить, что если под политикой вы имели в виду действительно сферу коммуникативную, то тогда Церковь не отделена от политики. Если речь идет о власти, об управлении, безусловно, отделена и будет отделена.

**Сергей Мазур:**

– Отец Антоний, позвольте привести 28-е Правило Халкидонского Собора – правило поставления епископов для варварских земель. Это одно из тех политических противоречий, которые существуют между сегодня Московской патриархией и Константинопольским патриархатом. Или когда Константинопольский патриархат заявляет об особом статусе в Европейском союзе. Такого рода шаги они же делают необходимым наличие политики?

**Отец Антоний:**

– Я думаю, что тема Константинополя, слава Богу, не болезненна для Латвии. На самом деле, мало кто из присутствующих здесь может оценить, насколько Бога надо за это благодарить. Но на самом деле проблема в том, что претензии Константинополя по своему характеру предельно светские. Дело в том, что епископ Константинополя стал таким важным по одной простой причине, что Константинополь был столицей империи. Римский епископ, как бы мы сложно не относились к тому, во что превратилось папство в Средние века, все-таки Римский епископ изначально занимал особое место среди других епископов. Он был, как писал Игнатий Богоносец, «первенствующим в любви», – было такое красивое понятие в апостольское время, что Римская церковь председательствует в любви. То есть об универсальной юрисдикции над церквями всего Земного шара, об этом речь тогда не шла, безусловно. Это средневековая деградация папства, но особое место римского епископства – оно, откровенно говоря, может быть прочитано и в Новом Завете, это часть раннецерковной истории. Мало того, когда Рим пал, когда были кругом гунны и всякие прочие пассионарии, говоря языком Гумилева, единственным человеком, который мог скрепить единство западной цивилизации, сцементировать, – это была Римская Церковь, которой Европа обязана тем, что она стала Европой. Поэтому очень печально, что Рим отпал от полноты Православия, но, откровенно говоря, с Римом гораздо интереснее иметь дело, чем с Константинопольским патриархатом, хотя, казалось бы, в последнем случае налицо единое наследие. Дело в том, что при всех претензиях на вселенскость у иерархов Константинопольского патриархата сугубо провинциальная греческая ментальность, к сожалению. Они все греки-фанариоты, то есть жители со всеми комплексами, скажем так, греков, живущих

в Османской империи, они это не преодолели. И, конечно, по-братски мы всегда поддерживали и будем поддерживать Константинопольский патриархат в его статусе на территории Турции. И в проблеме открытия школы богословской на о. Халки и в других вопросах, но когда речь идет о таком некоем универсализме Константинопольского патриархата, а, к сожалению, это везде и всюду. Вот недавно состоялся конгресс Европейской народной партии в Варшаве. Там в заключительной одной из резолюций – признание прерогатив Константинопольского патриархата как лидера трехсот миллионов православных. Отдельно взятая политическая партия взяла и провозгласила, что Константинопольский Патриарх – лидер трехсот миллионов православных. Но это итог подковерных интриг, скажем так. И мы все знаем, что Константинопольский Патриарх получает инструкции в вашингтонском «обкоме партии», в госдепартаменте, он туда регулярно за ними ездит, в чем был много раз замечен. Очень грустная ситуация на самом деле, потому что я прогнозирую, конечно, ухудшение ситуации, хотя на самом деле сценарий предсказать сложно. Все говорят: Москва – Константинополь, а вот мы мало говорим о румынах в Европе. Ну, румыны и румыны, вроде их много. В такой степени воцерковленности и преданности церкви, как у румын, я ни у одной диаспоры в Европе не видел. Если в какой-то город приезжает триста румын – через год у них будет Церковь, через два года священник, через пять лет епископ в этом месте. При этом все активно учатся в западном университете. Поэтому Румынская Православная Церковь в Европе через десять-двадцать лет, я думаю, будет сопоставимой по значимости и с Русской Православной Церковью, и с греческими приходскими. Поэтому предсказать, как все будет, довольно сложно. Но конечно, в отношении Константинополя, опять же эта ситуация универсальной юрисдикции над диаспорой, она предполагает создание некоего вненационального православия, православия, не укорененного в национальной и духовной культуре, допустим, европейского православия. Вроде бы много аргументов за то, чтобы было такое европейское православие, но дело все в том, что оно может существовать только как некий теоретический конструкт. История не знала православия, существующего и возросшего вне национально-культурных корней. Не было такого опыта. Иногда некоторые личности вроде бы давали надежду в Европе, что может это православие вырасти. Тот же приснопамятный митрополит Антоний Сурожский. Но проблема таких харизматиков в том, что после них не остается системы, к сожалению, и традиций. Та же трагедия с Сурожской епархией, в итоге она оказалась разделенной. Не получается европейского православия. Что случилось с Парижской архиепископией Константинополя, в котором столько было интеллигентов, интеллектуалов русских в 20-30-е годы? Сейчас в церквях Парижской архиепископии невозможно исповедоваться на русском языке священники не понимают русский язык, хотя она всегда была носителем русской и православной интеллектуальной культуры в Европе. То есть не получается европейского православия, оторванного, получается только румынское, русское, греческое православие в Европе, да и Константинополь сам никакого универсального православия не предлагает. Он предла-

гает универсальность греческой модели православия для всех, что тоже неприемлемо для православной культуры, которая тысячу лет существует, в частности, в формате русской, болгарской и других поместных традиций. Поэтому вопросов больше, чем ответов, но я предполагаю, что будет не просто. Вообще будет непросто во всех сферах. Если раньше был биполярный мир, все было все как-то понятно: были нацелены ракеты друг на друга, был баланс сил, откровенно говоря, баланс сил был и в межправославных отношениях. То теперь это слово «многополярность», которое его очень многие любят, затаскали до дыр. На самом деле многополярность в итоге приводит просто к хаосу – нет многополярности сейчас, есть просто апolarityность, полная. И в церковной жизни в том числе. Поэтому сейчас выйдет вперед та Православная Церковь, которая сможет православие предложить как цивилизационный проект, устремленный в будущее. Другой Церкви, кроме как Русской Православной Церкви с таким потенциалом, я не вижу.

**Владимир Соколов:**

У нас поступило два вопроса от **Дмитрия Мацнева:**

«Расскажите подробнее о конфликте с Константинопольской Патриархией».

«Какое место сегодня занимает Русская Православная Церковь среди других православных церквей мира по величине, авторитету и влиянию?»

**Отец Антоний:**

– По величине – номер один вместе с Украиной. Все-таки это я подчеркну – вместе с Украиной и вместе с канонической Украинской Православной Церковью Московского патриархата, безусловно. По влиянию. Опять же, наверное, нужно говорить о разных странах, разных континентах. Я думаю, что, вот опять мы упоминали Константинополь, влияние и авторитет – они сопоставимы, конечно, с Константинопольским патриархатом. Причем в каждой поместной церкви есть какая-то своя традиция отношения и к Москве, и к Константинополю, причем ничего статичного здесь нет. Допустим, Сербская Православная Церковь, если я расскажу все интриги, существующие внутри Сербской Православной Церкви, никому, во-первых, не интересно, а во-вторых, есть разные тенденции – есть грекофилы, есть люди, которые учились в Москве, есть люди, которые учились в Салониках, среди тех же членов Синода Церкви. И плюс там кризис, связанный с состоянием здоровья нынешнего Святейшего патриарха Павла, который совершенно святой человек, конечно, по жизни. Но административный кризис и коллапс полный. Огромная проблема, огромная рана, нанесенная расколом Болгарской Православной Церковью, чей авторитет в обществе резко снижен, при том, что авторитет православия крайне высок, но авторитет своего собственного синода снижен. Румынская Православная Церковь очень сильно набирает обороты, но, опять же, Молдавия – очень серьезная проблема для нас в создании там параллельной румынской юрисдикции. На самом деле все очень и очень сложно, но я бы хотел сказать такую вещь: когда мы, большинство присутствующих здесь мирян, относимся к Церкви как к телу Христову и, прежде всего, приступаем к

таинствам, исповеди, причастию, то вот эта церковная политика по большому счету оказывается на периферии. Огромное количество людей ходят в храм и получают благодать Божию, совершенно ничего не зная об интригах патриарха Варфоломея. Если бы вы знали, настроение бы сильно испортило. Слава Богу, это многих и не волнует.

**Игорь Злотников:**

– Уважаемый отец Антоний, как, на ваш взгляд, Русская Православная Церковь может повлиять на деятельность Латвийской Православной Церкви в плане активизации именно культурной составляющей в своей деятельности?

**Отец Антоний:**

– Во-первых, у нас есть единая Церковь Московского патриархата. И здесь никому ни на кого не надо влиять, потому что все находятся в постоянном человеческом и молитвенном общении и очень плодотворно прошли встречи, насколько я знаю, митрополита Александра и со Святейшим Патриархом, и недавно была встреча с председателем Отдела внешних церковных связей архиепископом Илларионом. Поэтому я в нескольких своих репликах пытался призывать к большей деликатности, к большему пониманию в отношении собственного священноначалия, в частности, в связи с теми же ситуациями, связанными с Константинополем и другими нюансами. Есть определенные грани, через которые в активности церковно-общественных отношений переходить, очевидно, сложно в контексте местных условий. Я думаю, что мой ответ – это вовсе не попытка уйти от ответа, но надо действительно доверять мудрости своего священноначалия. Да, если где-то Церковь кажется слишком осторожной, пусть лучше будет так, чем будет наоборот. В результате неосторожности будет такой вал проблем, который десятилетия придется решать. Главное сегодня – это то, что мы все имеем возможность ходить в храмы, мы все имеем возможность общаться со священниками в любой стране: будь то Эстония, будь то Латвия, будь то Литва. А то, что, конечно, культурный потенциал, взаимодействия с русской общиной у Латвийской Православной Церкви будет нарастать в Латвии, нет никаких сомнений. Сейчас, в условиях новой миссионерской парадигмы, – это то будущее, на которое мы обречены. Это молодежь наша. Чтобы она говорила по-русски, потому что время говорить по-русски, вы знаете, это слоган фонда «Русский мир». Но, может быть, и время и молиться по-церковнославянски. И время, наверное, вспомнить, что мы не только по культуре православные. Об этом патриарх Кирилл говорил сразу же после своего избрания на Поместном Соборе – наша миссия обращена, прежде всего, к тем людям, которые по культуре идентифицируют себя с православной традицией, но живут вне литургической, вне таинственной жизни церкви. Потому что 80% культурных православных и реально около 10%, как говорят католики, практикующих, мы говорим, воцерковленных людей, – все-таки слишком большой разрыв. Это означает довольно болезненную вещь: для многих из вас, к сожалению, Православие стало частью национальной идентичности, одной из составляющих национальной идентичности, но не стало неким стержнем и источником самой идентичности. Это очень серьезный вопрос и этот разрыв надо преодолевать.

Преодолевать его можно только вместе, потому что мы иногда мы говорим: «Церковь не активна». Но я вспоминаю в свои годы служение в Москве в 90-е годы. Мне бы кто-нибудь сказал, что Церковь не активна. Я представляю, что бы я высказал, потому что нагрузка на священника идет, мирянину сложно себе представить, с утра – литургия, человек 100 на исповедь идут, потом молебен, панихида, два-три отпевания, а в 90-е годы было порой три и четыре венчания одновременно. И вот люди жалуются, что священник как некая «Формула – 1», он проносится мимо в разные стороны. Вроде как дернуть его за подол рясы неудобно. А потом требы начинаются. Причем требы не все приятные для батюшки – освещение машин, квартир. Требы бывают разные. А сколько времени нужно, чтобы добраться до болящих, до обездоленных. Это все остается за гранью нашего видения Церкви. Нам просто кажется, что священники заняты каким-то своим делом. И Герцен вспоминается – страшно далеки они от народа. Но занимаются как раз этим самым народом. А то, что не остается времени на то, чтобы прийти в какую-то аудиторию и провести, может быть, два часа, сидя на скамейке с человеком, говоря о его проблемах – это не вина, это беда, потому что нагрузка – она неспоставимо велика. Поэтому надеюсь, что молодежь будет дальше приходить в храм, и не только в храм, а будет идти и в духовное училище, семинарии. Потому что я думаю, что пока еще не найден правильный баланс между потребностью в священниках и количеством пастырей, чисто банально математический баланс, не говоря о качестве духовного образования, священник все равно «пооботрется» с людьми. Какое бы качество духовного образования ни было, служение год, два, три на приходе сделают свое дело, и умение читать книги, в конце концов, которых много. А с другой стороны, мы сами, часто ли приходим в Церковь, к священнику, не желая что-то для себя, предлагая: батюшка, у меня есть такая интересная инициатива, как бы ее реализовать в формате приходской деятельности вместе с вами. Много раз мы сами приходили с такими инициативами? Чаще ждали чего-то. Вопрос, который порой надо обратить к себе.

**Вопрос из зала:**

– Как предполагается развитие миссионерства Русской Православной Церкви Московской патриархии? С чем оно связано? Церковь ведь миссионерством раньше не занималась, вроде бы.

**Отец Антоний:**

– Хорошая фраза миссионерством не занималась. У нас иногда говорят, что Церковь сейчас возвращается к тому, что когда-то было раньше, но было погублено большевиками. Реально Церковь жила в православной империи, поэтому миссионерство касалось, когда шла внутренняя колонизация Сибири, Дальнего Востока, потрясающие, кстати, есть образы святых миссионеров, которых мы мало знаем. Допустим, святой Стефан Пермский. Многие ли знают его житие? Который, фактически, в противовес иерархии не русифицировал тех же зырян, а придумал им письменность, и еще перевел и сделал зырянскую Библию на языке народов, у которых и письменности-то никогда не было. Плюс еще помог создать

уникальную культуру, которая явилась не отрицанием языческой культуры, а ее воцерковлением. Многие, наверное, видели экспонаты этой полихромной скульптуры пермской, совершенно потрясающей, которые чем-то похожей на рейнскую полихромную скульптуру средневековую. Это зырянское православие сто лет, наверное, просуществовало, потом оно, естественно, полностью ассимилировалось в русском православии. Потрясающий образ Стефана Пермского. Кстати, он был такой сомолит-венник, близкий преподобному Сергию Радонежскому. Потрясающий образ по искренности своей и по глубине святителя Николая Японского, наших миссионеров в Китае. Конечно, это штучные примеры. Если сейчас посмотреть количество католических миссионеров, просто реально гибнущих раз в несколько лет в Африке или в Азии, то мы, конечно, увидим банальную и грустную для нас вещь: миссионерства православного просто нет. Но теперь понятно, кто наш объект миссии, прежде всего. Конечно, интересно поехать, обращать какое-то племя очень удаленное, но то племя, которое живет в нашем же микрорайоне, оно достойно не меньшего пастырского внимания, племя молодое, незнакомое, наши дети и внуки. И они достойны некой миссии. Но я просто одно сказать хочу: не было этого опыта. Церковь жила в православной империи, до этого была Московская Русь, поэтому это вызов серьезнейший. Нет здесь готовых рецептов. Есть миссионерский отдел в Церкви, много лет он есть. Что реально он сделал? Что-то сделал, что мог. Есть семинария миссионерская в Белгороде. Но, наверное, сейчас все будет поставлено на совершенно другую основу, потому что иначе нет будущего.

**Владимир Соколов:**

– Еще один вопрос: может ли Русская Православная Церковь Московского патриархата в лице своих международных (нероссийских организаций) инициировать признание русского языка как официального языка Евросоюза? Есть ли такая возможность?

**Отец Антоний:**

– На самом деле то, что русский язык должен быть одним из официальных языков Евросоюза, в этом нет никаких сомнений. Но на сегодняшний день таким языком является кельтский. Многих я в Ирландии спрашивал, как вы по-гэльски? Народ тушевался. Правда, тост, когда пьют виски, они говорят по-кельтски. Но с гэльским языком, скажем прямо, плоховато в повседневном общении. Я думаю, что в любви на нем никто не признается, а документы Европейского союза не все, но многие, переводятся и даже переводчики-синхронисты сидят, переводя вроде как для депутатов, официально с этого 23-го языка. В Ирландии это болезненный вопрос. В Ирландии его действительно стали активно преподавать, в Северной Ирландии немножко сложнее, поскольку это часть Великобритании. Но много ли говорят на гэльском языке? Да если мы возьмем всех кельтов европейских с их меньшинственными языками: Уэльс, Горную Шотландию, Бретань, разве это сопоставимо с восемью-десятью миллионами русскоязычных в Европе?! Русский язык имеет право быть, по крайней мере, региональным и меньшин-

ственным языком, тут уж нет никаких сомнений. Это идет снизу. Есть такой лозунг Евросоюза – «мысли глобально, действуй локально». Надо начинать со своей общины, со своего муниципалитета. И здесь мы снова приходим к такой важной теме, на которую мы иногда закрываем глаза, когда мы говорим, да, языковая идентичность, да, культурная идентичность. Какие механизмы реализации этой идентичности в Европе? Допустим, российский МИД активно занялся поддержкой соотечественников (не имею права и желание критиковать российский МИД, тем более как представитель фонда «Русский мир», хотя он и независим от министерства иностранных дел), поддержка соотечественников по линии МИДа выражается в некоем космическом количестве конференций разного типа. В начале июня пройдет в Москве даже конференция с комичным названием «Успешный соотечественник», то есть надо полагать, что все остальные – полные лузеры. Но российский подход к диаспоре, зачастую, патерналистский – мы знаем, как надо. Из-за этого получается довольно печальная вещь – порой поддерживаются маргинальные представители диаспоры, которым просто поднимается самооценка за счет того, что вот их возят везде как почетных соотечественников, какие-то копейки дают. В то же время какая-то другая часть диаспоры, которая самодостаточна, самореализована, она просто дистанцируется от всяких форм работы метрополии с диаспорой. В этом случае я очень искренне надеюсь, что фонд «Русский мир» (вам со стороны видней) действует несколько иначе, потому что грантовая поддержка – это традиционная западная форма поддержки любых инициатив, основанная на конкурентной, партнерской модели. Но я вернусь к своей начальной теме. Мы говорим, культурная идентичность, духовная, лингвистическая. Каковы механизмы, чтобы это донести до руководства ЕС? Ну, уж, наверное, не конференции соотечественников. Механизм, конечно, только один, и нравится он нам или не нравится – мы живем в представительской демократии. И когда мы говорим об идентичности, интеграции, консолидации, самоорганизации диаспоры, мы должны давать еще один плюрик – политическое участие. Потому что без защиты прав и интересов русскоязычного сообщества ЕС именно на уровне представительских органов власти, выборных органов власти, конечно, через 20, 30, 40 лет ни о какой идентичности мы с вами говорить не сможем, потому что просто наступит ассимиляция. К сожалению, это естественный и необратимый будет процесс. Да, признаем, что все институты представительской демократии абсолютно несовершенны. Но это, как Черчилль говорил, все остальные формы правления еще хуже. Поэтому приходится исходить из демократии и пользоваться демократией, и пытаться действительно, сделать так, чтобы наши русские люди становились и депутатами муниципалитетов. Не будет депутатов муниципалитетов, не будет статуса русского языка. И депутатами национальных парламентов, депутатами европейского парламента, который сегодня еще не имеет тех полномочий, который должен был бы иметь, но все равно движение идет в сторону того, что это будет полноценный орган законодательной власти Европейского союза, потому что другого быть не может. Поэтому единственный реальный механизм защиты

идентичности Русского мира – это, конечно, политическое участие. Очень важна духовная составляющая. И, как ни странно, крайности смыкаются. Меньше всего важна болтовня, больше всего важно реальное дело. Как говорил святой Бенедикт Нурсийский, «молись и трудись». Действительно, важно духовное делание, и очень важно и политическое дело, если оно будет восприниматься как служение, прежде всего, как служение действительно тем, чьи права, чье достоинство попирается. Почему Церковь не поддерживает ни одну политическую партию? Очень просто: поддерживая одну или другую политическую партию, мы в итоге вносим разделение в собственную паству. Потому что среди нашей паствы могут быть люди, исповедующие ту или другую идеологию. Не может сказать Церковь: как бы нам ни были симпатичны правоцентристы, кому-то, может быть левый, может в молодости идеалами Бакунина вдохновлялся кто-то из батюшек. Поди разберись. Но не можем мы и сказать: анархия – мать порядка. Как это воспримут прихожане? И здесь есть очень важная вещь: Православная Церковь – она, прежде всего, выстраивает соработничество со всеми политическими силами, которые к этому соработничеству готовы. Какой политический диалог у нас с Татьяной Аркадьевной? Да никакого, а в результате общения последних пяти лет создали Европейский русский альянс, создали Европейский русский форум, при этом никто никогда не сможет сказать, что Московский патриархат поддерживает ЗаПЧЕЛ как политическую партию. Это будет неправдой, но, тем не менее, все усилия Татьяны Аркадьевны по защите прав и интересов русскоязычного населения Евросоюза будут поддерживаться и на самом высоком уровне. Почему? Потому что это не поддержка идеологии, а поддержка, прежде всего, правозащитной деятельности, потому что права и достоинство человека – это традиционные ценности, которые сама Церковь исповедует. Где попирается достоинство человека, достоинство личности, Церковь в стороне оставаться не может, при этом не поддерживая какую-либо политическую идеологию, политическую платформу. Поэтому очень это сложные вопросы: не выйти за флажки, скажем так, не оттолкнуть кого-то от себя. Но я хочу тоже, чтобы все присутствующие это поняли. Сейчас вся Европа находится в ожидании выборов, то ли муниципальных, то ли европарламентских, то ли в некоторых странах и тех и других, с разными представителями диаспоры приходится общаться в разных странах. Кто-то от вас баллотируется? Хоть в муниципалитет местный? Очень мало, даже там, где такая инициатива возникает. Хотя сколько можно было бы для русской общины сделать, если бы в пяти, семи, восьми странах были бы русские депутаты парламента. Я думаю, Мирослав (Мирослав Митрофанов – ред.) со мной согласится в этом вопросе, потому что на самом деле инертность очень сильна, поэтому неважно, какая партия, важно чтобы эта партия была готова поддерживать духовную идентичность тех меньшинственных этнических групп, которым это нужно, и через поддержку этой идентичности формировать мультикультурное общество. Потому что Европа, Европейский проект – это все-таки проект мультикультурного общества. И любые проекты в рамках этого проекта, которые претендуют на то, чтобы развиваться иным путем,

обречены, потому что другого в Евросоюзе не будет.

**Владимир Соколов:**

– Готова ли Русская Православная Церковь Московского патриархата выступить инициатором нецерковных акций, активно включиться в светскую жизнь.

**Отец Антоний:**

– Здесь слово «светское» профанное немножко, оно не корректное. На самом деле православные миряне – это наш актив, это наш резерв. То, что духовенство не может делать, должны делать миряне, в этом как раз-таки задача. Духовенство, прежде всего, должно духовное попечение осуществлять над паствой. Но паства сама должна идти во власть, идти в культуру, идти к молодежи. У нас нет разделения: Церковь учащая и Церковь учащаяся, потому что паства – это народ Божий. Единственно, чем священник отличается от прихожанина, это тем, что благодаря апостольскому преемству рукоположения он вправе совершать таинства для этого же народа Божия. Это не делает его исключительным существом, это делает его носителем благодати, порой недостойным. Но, тем не менее, наше недостойство не препятствует, чтобы благодать была действенной, и вдохновляла наших же мирян на их свершения и их активность в окружающей жизни.

**Владимир Соколов:**

– Как происходит коммуникация между мирянами, кроме проповедей, бесед?

**Отец Антоний:**

– Мне сейчас сложно говорить, что сейчас в России происходит, я 6 лет назад уехал из России. Есть замечательное средство коммуникации – после божественной литургии, когда люди собираются на трапезу. Вот это прекрасное православное средство коммуникации. Я когда приехал в Брюссель настоятелем кафедрального собора, обнаружил, что такой коммуникации явно не хватает. Теперь, слава Богу, все прихожане собираются на воскресный суп, воскресный чай. Что касается инфраструктуры какой-то коммуникативной: православные братства восстановили еще в начале 90-х годов, но не стали они, откровенно говоря, эффективным механизмом коммуникации. Порой не понятно, что с этими братствами делать. Православный союз хоругвеносцев или еще какие-то есть организации. Хотя я думаю, что таких организаций сейчас, на фоне миссионерской активности нового Святейшего Патриарха, будет гораздо больше, будут активно появляться студенческие организации. Есть вроде как православные крылья в некоторых молодежных организациях околупартийных в России. Я не знаю, насколько это тот путь, которым надо идти. Все-таки православные братские организации должны возникать по инициативе снизу, а не сверху. Но еще раз хочу напомнить: в православии нет орденов.

**Владимир Соколов:**

– Есть ли в составе Русской Православной Церкви Московского патриархата какие-то аналоги ордена иезуи-

тов или ордена францисканцев, которые имеются у Римско-католической церкви?

**Отец Антоний:**

– Нет у нас такого, слава Богу. Это отдельная лекция должна быть. Монашество пошло в Православной церкви принципиально по другому пути, не по пути орденов, специализирующихся на созерцании, на миссионерстве, на социальной работе, как в католической церкви, на образовании. Ордена же нельзя искусственно создать. Все ордена Католической церкви создавались харизматичным лидером, основателем этих движений. Тот же Франциск Ассизский, Игнатий Лойола, святой Доминик и другие. Иногда как-то жалко, что нет орденов, если честно. Жалко, потому что люди действительно разные, и те же насельники одного и того же монастыря – разные, с разными человеческими приоритетами, разным опытом жизненным, разными идеалами церковного служения. Естественно, чем сложнее общество, тем больше специализация. Орден не предвидится в ближайшее время, поэтому придется нам справиться как-то без орденов.

**Вопрос из зала:**

– А справитесь ли вы без собственной академии наук? У Римской Католической Церкви такая есть.

**Отец Антоний:**

– Придем мы к этому потихоньку. Красивый была бы идея создания патриаршего совета по культуре по аналогии с папским советом по культуре. Я думаю, к этому придем. Как раз неделю назад мы встречались в Брюсселе с архиепископом Илларионом, который возглавил отдел внешних церковных связей и почти на все мои вопросы, а как будет это? а где мы возьмем архиереев для этого? отвечал: «Святейший мне сказал, что сейчас главная задача – воспитать кадры в общецерковной аспирантуре». Вот вопрос, сколько времени займет это воспитание нового поколения миссионеров-архиереев и активных церковных деятелей. Нельзя человека просто взять и назначить – а ты будешь, батюшка, миссионер. То есть человека надо органично вырастить в какой-то новой среде. Поэтому академия наук было бы сейчас слишком претенциозно. Установить хорошие партнерские эффективные отношения просто с Российской академией наук – это уже было большим делом. В плане образования поделюсь очень интересной инициативой, я сам содействую ей, как могу. Возможно, в Париже откроется русская семинария. Дай Бог, чтобы она открылась. Она будет готовить клириков для Западной Европы, потому что не всегда клирики, которые приезжают по благословению даже священноначалия в Западную Европу, в состоянии там нести свое послушание. Некоторые, а то и многие, уезжают назад в силу разных обстоятельств. Конечно, готовить священников в стенах Парижской русской семинарии было бы очень здорово, тем более, что эта семинария, поделюсь такими планами, тесно будет связана с университетом Сорбонны, и гуманитарные дисциплины семинаристы будут слушать в Сорбонне. Вместе с дипломом семинарии будут получать диплом философского факультета Сорбонны. Вот таким путем надо идти. Видите, мы стараемся, но пока это планы. Если

они воплотятся и у нас будут выпускники семинарии с дипломом Сорбонны в Западной Европе трудиться на приходах, наверное, это будет неплохо.

**Игорь Ватолин:**

– Нет ли у вас информации, почему МИД и другие структуры Российской Федерации не хотят реанимировать Закон о соотечественниках? В частности, запустить механизм наделения статусом соотечественника, прописанный в законе?

**Отец Антоний:**

– Когда говорят о реанимации, сразу вспоминаются западные фильмы в стиле телесериалов о «скорой помощи». Человек с дефибриллятором, кричащим: «мы его теряем, теряем», и пытающийся пустить разряд тока. Если под тем, кого мы теряем, мы имеем в виду соотечественника, то есть того соотечественника, чтобы оживить которого, нужен дефибриллятор, лучше уж его не оживлять вообще. А нормальному человеку дефибриллятор не нужен. Что касается закона. Я внимательно изучал идею со статусом соотечественника. Ее, кстати говоря, даже на каком-то всемирном координационном совете соотечественников (куда я пока вхожу) на эту тему сделали небольшое сообщение. Поляки ведь приняли подобный закон, а они пошли по пути венгров. Для венгров это была серьезная проблема. Было обсуждение правомочности этого статуса применительно к венграм, живущих в сопредельных с Венгрией странах, было обсуждение в юридической комиссии, так называемой Венецианской комиссии совета Европы, которая признала совершенно неудовлетворительным все это дело по одной простой причине – это наделяет дополнительными правами граждан другого государства. Но меня другое здесь волнует, кто будет отделять овец от козлищ, кто решит, кто правильный соотечественник, достойный удостоверения, а кто неправильный соотечественник. А судьи кто? Вот вопрос. Если с этим статусом будет сопряжен какой-то набор льгот, вы можете представить себе, сколько интриг и конфликтов будет вокруг этого. Как эта карта поляков, по которой предполагалась бесплатная медицина в Польше для обладателей карты поляков, сколько-то процентная скидка на железнодорожный транспорт, безвизовый въезд, что совершенно является абсурдным: как одних граждан другого государства отделить от других. Это отдельные визовые льготы. Можете представить, сколько склок будет вокруг этого. Если соотечественник – это заявительная категория, то мы все помним песню «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес Советский Союз» – придется это удостоверение соотечественника дать большей части и латышей, эстонцам, грузинам всем. Или это некий экзамен на удовлетворение статуса соотечественника надо будет пройти, или это особо избранные соотечественники, приближенные к посольству, будут решать, кто достоин или нет этого статуса. Упаси Господь! Это мой вывод по поводу этого удостоверения соотечественника. Помните, как говорил кот Матроскин из мультфильма: «Уши, лапы и хвост – вот мои документы». Не нужно удостоверение. Нужна

совесть, прежде всего. И нужно осознание своей причастности к Русскому миру. Наверное, этого достаточно.

**Владимир Соколов:**

– Тогда следующий вопрос **Елены Ермолаевой**. Он немного сопряжен с этим:

– Не могли бы вы уточнить отношение русской идентичности к православной идентичности.

**Отец Антоний:**

– Кстати, мы слово идентичность не меняем, а можем менять на самобытность. В принципе – запросто. Русское слово самобытность вполне адекватно. Иногда, в 90-е годы, приходилось слышать, что я человек как православный, хотя в Бога не верю. Вот это те самые проценты культурных православных. Что с ними делать? Понятно, что с ними делать – воцерковлять. Дело в том, что русский человек вполне может не быть православным. Давайте скажем все честно – может не быть православным и зачастую таковым не является. Потому что если считать, что православие – категория культуры, в этом будет большая неправда, потому что православие – категория личного, сознательного религиозного выбора всегда, который накладывается на какую-то культурную генетику, но это всегда личный и сознательный выбор следовать за Христом. Потому что православный – это все-таки прилагательное к слову христианин. Если мы уберем «христианин», оставим «православный» – то у нас будет такое «культурное» православие. Поэтому есть русские люди, которые сознательно выбирают другую религию. Этот выбор может нравиться, есть агностики, есть сознательные атеисты, их меньше, чем мы думаем, но они тоже есть. Есть люди, которые нашли путь к себе в той или иной восточной традиции, что с нашей точки зрения, не здорово, но так получилось. Есть люди, которые попали в лапы сектантов, это совсем плохо – они русские, но они не православные. Особо грустно, если с православными корнями попал куда-то не туда, но это вопрос выбора. Поэтому мы должны признать тот факт, что русский может не быть православным. Не был православным Чаадаев. Русский был человек? Русский. Не был он православным. Избрал для себя западную традицию. Были люди, которые, как некоторые наши деятели Серебряного века, пытались дышать двумя легкими, как они говорили. Не то католики, не то православные. На самом деле это был такой трагический выбор для того же Владимира Соловьева, для того же Вячеслава Иванова. Они пытались реализовать вот эту всечеловечность русской души, о которой говорил Достоевский, через то, чтобы иметь множественную идентичность, и православную, и католическую, потому что они принадлежали нескольким культурным мирам. Это всегда было личной трагедией. Итак, решили русский человек может быть не православным, нам это грустно, но это факт. Так же православный вполне может быть человеком нерусским, что доказывать не надо – есть греки, есть румыны, есть сербы. Но проблема в том, что православный человек всегда принадлежит какой-то национальной культуре. Не может быть просто австралийского, европейского православного, потому что этот конкретный человек все равно ходит в храм какой-то юрисдикции. Он слушает песнопения на каком-то языке, он исповедуется на каком-то языке. Все сложнее, чем мы думаем. В той же Бельгии, у нас ведь есть обращенные из франкофонов, из

фламандцев. Они не русские православные, они не принадлежат русской православной «субкультуре» и их туда загонять не надо. В этом случае корректно сказать, они принадлежат православию русской традиции, если они несут свое служение в епархии Московского патриархата. Потому что русская православная традиция отличается от греческой и литургически, и с точки зрения песнопений, и с точки зрения того же календаря. Хотя в Бельгийской епархии три календаря: есть юлианский, есть новоюлианский, есть григорианский. У нашего мужского монастыря в Первейзе это было условием присоединения к православию. Главное – не превращать православие в часть национальной идентичности. Это неправильно.

**Владимир Соколов:**

Следующий вопрос **Татьяны Фаворской** из Русского общества в Латвии:

– Выступление священника на рок-концерте – это что, с вашей точки зрения?

**Отец Антоний:**

– Выступление священника с каким-либо музыкальным инструментом или с проповедью разные вещи. С проповедью, мы знаем, отец Андрей Кураев очень часто ездит с Юрой Шевчуком, и ДДТ, с «Алисой». Действительно, это миссионерские поездки, которые представителей молодого поколения подводят к церковной ограде, я подчеркну, то есть заставляют о чем-то задуматься, где-то выйти за двухмерность, открыть новые измерения если не духовной, то душевной жизни. Никакая проповедь на рок-концерте, конечно, человека не приведет к исповеди, к причастию сразу, то есть человек сделает несколько шагов. Важно, когда он сделает несколько шагов, его мог бы кто-то подхватить, повести дальше. Вот что важно. Но само по себе как некий шок, как что-то, что должно оглушить, выбить почву из-под ног, почему нет? Это очень здорово. Почему должны быть секс, наркотики и рок-н-ролл? Почему такое сочетание? Почему не православие, народность, самодержавие и рок-н-ролл? Любая субкультура может быть воцерковлена, любую субкультуру можно использовать. Ту же рок-музыку могут использовать сатанисты? Могут. А можно и Библию раздавать на рок-концертах. Если отец Андрей Кураев может выступить с тем словом, которое будет не пресным, а интересным. Слава Богу! Гораздо хуже, если вдруг сейчас где-то на местах епархиальные преосвященные узнают, что указание есть такое идти в массы. И вот пойдет батюшка, он может быть и хороший батюшка у себя на сельском приходе, и вот придет на концерт ко всей молодежи в заклепках, в коже, и скажет: «Братья и сестры», и расскажет им расписание богослужения на ближайший месяц, где в какой день можно вкушать масло растительное, а где и рыбу. Все! Это конец! Нельзя утрировать. Не всем такая харизма дана – на рок-концерте выступить. А какой-нибудь батюшка вспомнит свою хиповскую молодость и несколько аккордов на гитаре сыграет, чем окончательно расположит к себе аудиторию. Почему нет? Я думаю

очень мало тех форм культуры, которые в принципе, по сути, настолько антихристианские, что в их формате нельзя слово Божие доносить. Наверное, есть, но очень мало.

**Сергей Мазур:**

– Отец Антоний, какие на сегодняшний день существуют формы сотрудничества между Русской Православной Церковью и Русским миром? Какие новые формы сотрудничества необходимы для решения исторических задач Русской Православной Церкви и Русского мира?

**Отец Антоний:**

– Во-первых, это два взаимопроникающих мира. Вот с чего мне хотелось бы начать. Потому что это не какие-то планеты, которые по своим орбитам крутятся, и Русский мир в какой-то части – это мир Православия, хотя Русский мир больше, чем Православный мир, конечно, потому что Русский мир – это еще и мир других традиционных религий, других культур. Русский мир – это все же какая-то цивилизационная общность, которая во многом питается православными корнями, но не исключительно. С другой стороны, и Православие гораздо шире Русского мира. Православие в себе объемлет разные национальные культуры, для многих оно было источником их появления, в принципе. Но все равно Православие не ограничивается ни одной национальной культурой, будучи универсальным благовестием. Сразу надо понять, что одно к другому не сводимо. Что касается взаимодействия, если говорить о Русском мире как о некоем концептуальном проекте, это будет слишком сложно. Чисто формально – есть фонд «Русский мир», который всем помогает, как мне кажется. Есть в Уставе фонда конкретная фраза: «поддержка Русской Православной Церкви в сфере продвижения русского языка и культуры». Вот эта платформа, на которой могут быть совместные инициативы. Что сделано даже за этот год? Преподаватели русского языка в Гонконге. Отец Дионисий Поздняев, наш миссионерский батюшка из Юго-Восточной Азии, попросил прислать ему двух преподавателей русского языка – они уже трудятся. Владыка Марк, руководитель Германской епархии Русской Православной Церкви за рубежом, попросил поддержать школу для девочек арабских в Вифании на территории Палестинской автономии. Там сейчас преподается русский язык этим девочкам. Кстати говоря, вся элита Палестинской автономии в эту православную школу отдает своих детей, которые под духовным попечением у архиепископа Марка. Кстати говоря, в июне планировалось, но, видимо, будет позже презентация книги Святейшего Патриарха Алексия «Православие в Эстонии», переведенное на русский язык, данный проект поддержан тоже полностью фондом «Русский мир». Деятельность Русской семинарии в Париже, о которой я сейчас говорил тоже будет поддержана фондом «Русский мир», в плане оплаты труда преподавателям этой семинарии и оснащения библиотеки, то есть я думаю, что таких общих проектов будет больше и больше. Я говорю специально о фонде, я не говорю о концепции Русского мира, потому что – вот конкретные малые дела. Надо говорить о малых делах, потому что если не говорить о малых делах, то у нас получаются Нью-Васюки. Поэтому не надо строить Нью-Васюки, надо делать конкретные малые дела. Язык и культура – это и много и очень мало, с другой стороны. Поэтому я думаю, что между фондом

«Русский мир» и Русской Православной Церковью будет некое системное сотрудничество налажено по благословению Святейшего Патриарха, и я уверен, что проекты, которые, я, кстати говоря, специально концентрируюсь на том, чтобы некая была пауза последние месяцы в плане грантов, но тема всегда волнует. Где-то с июня будет новый формуляр подачи заявок на грант, я думаю, что как раз будет всегда большим аргументом «за», когда какой-то проект предлагается изначально от лица нескольких субъектов. Допустим, если Латвийская Православная Церковь, какие-то культурные ассоциации вместе выступают инициаторами того или иного культурного проекта, это будет в себе содержать большой заряд позитива для того, чтобы этот проект был поддержан. Потому что это будет означать действительно некий консенсус, некую значимость этого проекта. Я думаю, если говорить в контексте локальной реальности. С другой стороны, когда мы говорим «Русская Православная Церковь», или «Латвийская Православная Церковь», мы все время идем на какую-то верхнюю ступеньку. В Европе есть такое ужасно мерзкое слово, для православного человека вообще ничего не говорящее – субсидиарность, для этого и бутылки рижского бальзама не хватит, чтобы в этом слово разобраться, но понятие очень важное. Я попытаюсь без вспомогательных технических или химических средств, в двух словах это пояснить. Что такое субсидиарность? Это означает, все, что может быть решено на уровне общины, должно решаться на уровне общины. То, что не может быть решено на уровне общины, решается на уровне муниципалитета, то, что может быть лучше реализовано на более высоком уровне, решается на национальном уровне. И, наконец, то, что никак нельзя оптимально решить в области, регионе, стране, это уже переносится на европейский уровень. Грубо говоря, субсидиарность – это понятие, пришедшее, кстати, из католической теологии, оно более менее адекватно нашему слову соборность. Поэтому мы часто говорим – Церковь, епархия. Мы все живем в каком-то доме, в каком-то районе, в каком-то селе. Что мы можем сделать на нашем уровне? Мы как жители, как прихожане, как активисты какой-то местной организации – вот давайте идти вот таким путем, иначе мы впадаем опять в какую-то инфантильность и проецируем абсолютно неэффективный патерналистский подход, что кто-то должен за нас решить, сверху нам спустить, и мы будем делать. Я думаю, что просто нужно самим выходить с инициативами и к священноначалию, и к фонду «Русский мир». Когда есть живой реальный культурный проект, за которым стоят живые и инициативные люди, это всегда чувствуется, это всегда сразу видно.

#### **Владимир Соколов:**

– Какое содействие может оказывать Русская Православная Церковь для решения Русским миром проблем с образованием? У меня внучка учится в Лондоне в католической педагогической школе. Школа католическая, но там нет Закона Божьего, зато есть своя форма одежды, дисциплина. И батюшки католические входят в совет школы. В итоге получается прекрасное

светское образование. Что мешает на сегодняшний день ввести такие же законы в Православии, чтобы священники входили в совет школ?

#### **Отец Антоний:**

– То, что вы видите в католических школах, западных, это не результат циркуляров, а результат нескольких веков образовательной деятельности католической церкви. То, что сейчас осталось от этого присутствия, это всего лишь присутствие батюшек в советах, которые иногда входят, как вы сказали. Сто лет назад эти духовенство определяло движение любой молекулы в этих школах, скажем так. Это наследие присутствия в системе образования в течение многих столетий. Сейчас оно уже полуформальное. Вы предлагаете навязать просто это присутствие для Православной Церкви сверху, не опирающееся на опыт, традицию участия церкви в образовании? Это будет искусственно. Это сделать нельзя. Можем в совет входить. А смысл? Какая целевая функция этого всего? Там это вхождение в совет священников является неким уже рудиментом присутствия этих священников в образовательном процессе конкретной школе в течение, допустим, двухсот лет. Причем не надо идеализировать роль католического духовенства в жизни школ. Мне рассказывали бельгийцы, которые проезжая мимо одной из известнейших католических школ в Брюсселе, вот папа здесь учился, воспоминания, как в тюрьме время провел 12 лет. Что толку, если это посеет в человеке кучу комплексов. У меня нет ощущения того, что образование должно настолько быть пронизано церковным присутствием, как это было сто лет назад в католических школах, потому что из этих школ выходили люди, которые сохранили искреннюю, чистую, живую ненависть ко всему церковному и пронесли ее через всю жизнь. И передали потом своим детям, которые уже в Церковь вообще не ходили. Понимаете, это не может быть навязанным. В чем проблема присутствия Церкви в управлении? Чем бы ты ни был: фирмой, государством, парламентом. Если ты как духовное лицо дистанцирован, ты сохраняешь авторитет. Если ты присутствуешь как часть системы ты берешь на себя ответственность за все грехи, огрехи и ошибки системы. И в результате этого авторитет теряется не твой лично, а теряется авторитет Церкви. Зачем это надо? Та задача банальная, простая, которая поставлена сейчас, были уроки «Основы православной культуры» в светских школах, по выбору родителей, это тот необходимый минимум, тот костяк, на котором может нарасти мясо. Но мясо невозможно нарастить, если нет скелета. Поэтому давайте двигаться последовательно: введем «Основы православной культуры», а потом, возможно, и скауты появятся. А скаутское движение замечательное. Оно тоже должно вырасти из какой-то внутренней потребности. Для Европы оно органично. А если вдруг взять и насадить искусственно? Но, прежде всего, люди собираются, и дети особенно, вокруг конкретного человека. Если будет заинтересованный батюшка, живой, открытый и которому интересно с детьми, то я уверен, и в походы вместе будут ходить, и хор сделают для службы и еще что-нибудь придумают, потому что все это вырастет из самой потребности в общении.

#### **Сергей Мазур:**

– В нашем семинаре участвует Татьяна Александровна Фаворская, которая готовит учеников для поступления в

российские ВУЗы. Ее усилиями создана специальная воскресная школа. И эти ученики по линии соотечественников бесплатно уезжают в Россию. Предложения получают и в Москву, и Санкт-Петербург, и в Калининград. Но мы знаем, что сегодня Русская Православная Церковь имеет ряд интересных, достойных университетов, учебных заведений... Но Латвийская Православная Церковь в этой программе ни коим образом не представлена.

**Отец Антоний:**

– Я не знаю, это вопрос к тем, кто оказывает финансовую поддержку с российской стороны и, по крайней мере, то учебное заведение, которое у всех на слуху, и сразу всплывает в памяти, это Свято-Тихоновский богословский университет в Москве, который помимо всего прочего имеет государственную аккредитацию, что важно. Потому что не все православные вузы эту аккредитацию имеют. Со Свято-Тихоновским университетом проблем нет, там несколько специализаций, несколько факультетов. Поэтому я думаю, что этот вопрос правомочно поставить перед правительством Москвы или перед тем, кто дает стипендии. Почему бы не использовать ресурс Свято-Тихоновского университета? Если люди общаются по этой теме с профессионалами и с представителями структур, поддерживающих финансовые структуры, надо просто напрямую ставить этот вопрос. Но есть еще реформированный отдел образования и катехизации, который сейчас возглавил епископ Меркурий, в прошлом он был представителем нашей церкви в Соединенных Штатах Америки. Я думаю, на сайтах официальных можно найти его координаты. Кстати говоря, я уверен, что владыка Меркурий включился активно в этот процесс.

**Татьяна Фаворская:**

– В этом году мы получили поддержку Фонда Русский Мир, мы очень благодарны. Мы готовим детей для поступления в ВУЗы России и хотели бы ввести в программу «Историю Православной Церкви», потому что те люди, которые уедут в Россию, хорошо должны знать этот предмет.

**Отец Антоний:**

– Замечательно. Очень радостно слышать искренние слова благодарности в адрес фонда, потому что у меня такое ощущение, что мы все правильно поддерживали в Латвии. Может быть, больше надо было поддерживать. Сейчас тоже был непростой период для нас, я имею в виду, для Фонда, потому что вы знаете такое нехорошее слово – секвестр. Боялись, что коснется и нас, но чаша сия нас миновала и грантовая программа по линии фонда будет продолжена. Мы надеемся – в том же объеме, как и предполагалось в 2008 году.

**Сергей Верховский:**

– Не приведет ли миссионерская деятельность Русской Православной Церкви к большему влиянию

западной цивилизации на православную цивилизацию, подобно тому, что происходит сейчас в Европе, где христианские ценности потерялись под влиянием тех культур, которые миссионеры рвали раньше. Не произойдет ли обратный процесс? Миссионеры приехали в Португалию. Выходцам из Бразилии португальцы принесли свою культуру, отличающуюся от того, чего хотели миссионеры. И как следствие, как повлияет это на российскую культуру?

**Отец Антоний:**

– Интересный очень вопрос. На самом деле мы не знаем, к чему приведет миссионерская деятельность Русской Православной Церкви, потому что нам сравнить не с чем. Ее просто никогда не было, по крайней мере, в истории жизни последних поколений. Что касается опыта западных миссионеров в России. Помните 90-е годы, когда почти в каждом московском кинотеатре были те или иные миссионеры. На фоне того социального, духовного вакуума, который был, да, какой-то краткосрочный успех был, но как-то все чужое оказалось. Что касается Европы. Европа – она все-таки очень и очень разная. Есть европейские страны, которые, конечно, уже совсем постхристианские. Все сложнее. Мы тоже немножко преувеличиваем иногда масштабы дехристианизации Европы. Так тоже нельзя. Вот мы мол все сохранили, а они – такие безбожники. На самом деле очень много отошло от Католической Церкви людей, формально бывших католиков по рождению, по крещению. Но в то же время в той же Франции, где, казалось, такой секуляризм воинствующий со времен Робеспьера, те общины католические, которые есть, они настолько живые, настолько содержательные и настолько они активно развиваются, иногда задаешься вопросом, а что лучше – в плане соотношения между количеством и качеством. Что предпочесть? Потому что для них это не дань традиции, а это уже полностью результат свободного выбора. Поэтому сейчас мы должны понимать – не стоит задача сделать всех православными. Не стоит у нас задача, чтоб все ходили строем, исповедовались, причащались. Вон Тухачевский причащался, когда юнкером был, а потом причастие выплевывал, а потом из карабина его расстреливал. Зачем нам это надо? Мы не знаем, к чему приведет православная миссия, но мы надеемся, что она приведет хотя бы к одному – что молодежь завтра и послезавтра в наших храмах будет молиться. Это ближайший самый простой результат. Что касается миссии среди других стран, то тоже очень интересная тема. Потенциал православной миссии не исчерпан. Когда представители азиатских древних культур сталкивались с Православием, они обнаруживали совершенно другое христианство, чем они встречали в протестантизме или в католичестве. Как ни странно, православная традиция своей созерцательностью, «внутренним» деланием, соединением ума с сердцем, она оказывается более близкой этим созерцательным культурам народам Востока, чем традиция западного социального христианства. Поэтому я думаю, что потенциал православной миссии, мы даже представить пока не можем, и, может, он приведет к каким-то новым формам. Здесь напоминался вопрос про орден иезуитов. Очень интересная страница истории христианской миссии – это иезуитская миссия в Индии или Китая. Она потом сошла на нет по вине Рима. Но то, что делали иезуиты в XVI веке, совершенно революционные вещи, но тем не менее это

был реальный путь инкультурации христианства в местные цивилизации. Этот путь до конца не был пройден, он был искусственно обрублен. А у православия такого потенциала гораздо больше, чем у католичества. И апостол Фома в Индии все-таки проповедовал. У меня нет окончательного ответа на этот вопрос.

Практически как осуществляется миссионерская деятельность? Православные лагеря есть, кстати, в Европе. В этом году при поддержке Фонда «Русский мир» в Швейцарии будет. Я не знаю, они уже набрали детишек или нет. Во многих странах локальные есть, во Франции такой опыт многие десятилетия существует. В этом году первый будет такой международный лагерь в Швейцарии. А в Бельгии выделено телевизионное время для православия. Регулярно интервью дают православные священники и разных конфессий также. На больших праздниках люди приходят телекамерами, и потом по центральным бельгийским каналам транслируют фрагменты православной службы. В частности, из Свято-Никольского нашего собора. Приходилось не раз видеть такие трансляции по телевидению. Ну, конечно, этого ничтожно мало. Есть еще такой вопрос. Всегдашняя боль любого православного священника: идей много, люди, которые были бы готовы что-то воплотить, они тоже есть, денег нет обычно. И не секрет, что те средства, на которые храмы восстанавливаются и купола золотятся, это не деньги, которые бабушки за свечи приносят. Культуры жертвования, к сожалению, нет. Это большая проблема. Я знаю, в Бельгии есть какое-то количество русских бизнесменов, вполне успешных, я никогда их не видел в жизни, я даже не знаю, как они выглядят. Где-то они живут, на каких-то виллах, где-то работают, но они просто не выходят на поверхность, они где-то залегли как глубоководные рыбы, у них, видимо, есть перископ, в который они смотрят на реальность, но сами на глаза не попадают. Хотя есть такое огромное количество проектов и инициатив приходских, которые можно было бы поддержать. Мы вот говорили сегодня: государство, общество, епархия, фонд «Русский мир». Слава Богу, есть такой фонд, но есть, извините, бизнес-сообщество, которое должно по идее помогать своему собственному Русскому миру. Даже банальная вещь. Мы много раз говорили, российские кампании, возьмите на работу российских специалистов из диаспоры, живущих в этих странах, с российскими дипломами. Все, никакая помощь по линии МИДа не будет нужна. Ведь создаете же местным рабочие места. Пока из Кремля указания не

будет, не сделают, а кому указание закон, а кому не закон. Многие кампании давно частные. На самом деле реально это боль любого приходского священника, и моя тоже, хотя это кажется странным для представителя фонда «Русский мир». Я могу высказать свое мнение поддержки того или иного проекта, но я не могу переложить из одной своей руки в другую. То есть одной рукой я отношусь к той организации, которая дает, а с другой рукой как приходской батюшка с протянутой хожу. Для того, чтобы в своем втором храме иконостас сделать. Я к фонду «Русский мир» с этим вопросом обратиться не могу. Во-первых, была бы очевидной некорректность такой просьбы, а во-вторых, построение иконостаса никак в задачи Фонда не входит. Вот такая банальная приходская проблема. Будет больше инициатив, будет больше и откликов со стороны той же нашей паствы или потенциальной паствы, которая, как я уже сказал, где-то залегла.

**Вопрос из зала:**

– Что говорит Православие по поводу десятины?

**Отец Антоний:**

– Чьими устами должно сказать Православие? Если бы в Православии был аналог римского папы... У Православия – поместный собор, архиерейский собор, священный синод. Такой традиции, как десятина, нет, а жаль. У старообрядцев она есть, у протестантских общин она есть, хотя бы условная десятина. Конечно, жаль. Но в то же время, если отдельные представители паствы возьмут на себя такой подвиг, я думаю, никто возражать против этого не будет со стороны священноначалия и духовенства.

**Сергей Мазур:**

– Уважаемые коллеги сегодняшние XLIII Чтения подошли к своему логическому завершению. Мне хотелось бы поблагодарить отца Антония, который принял участие в этих Чтениях, председателя сегодняшних Чтений – Владимира Борисовича Соколова, депутата Сейма Мирослава Борисовича Митрофанова, благодаря которому состоялась наша сегодняшняя встреча.

**Отец Антоний:**

– Спасибо еще раз за приглашение. Спаси, Господи.